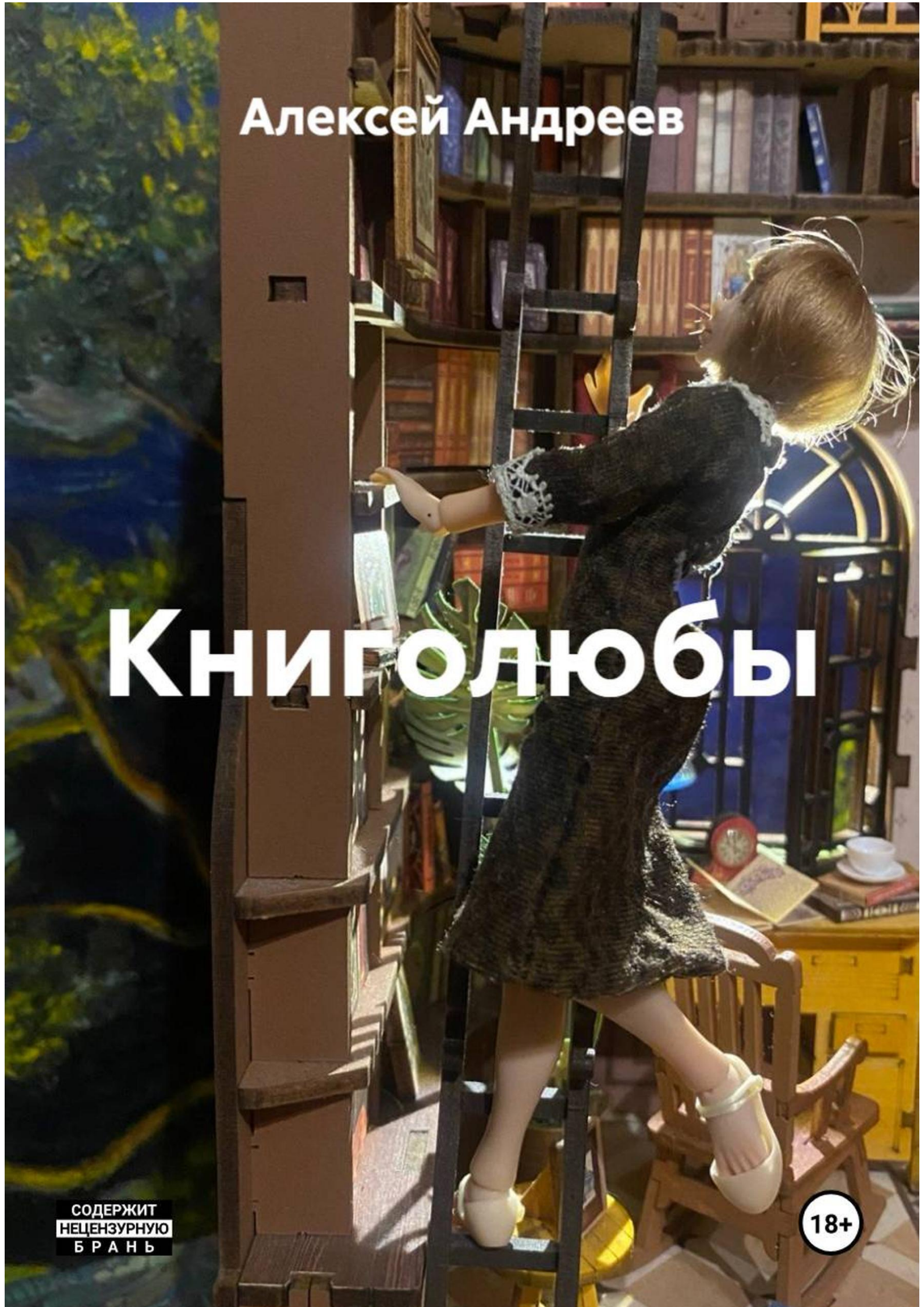

A detailed miniature scene featuring a doll with blonde hair, wearing a dark, textured dress with white lace trim on the sleeves and white shoes. The doll is standing on a wooden ladder, reaching up to a high shelf in a library filled with books. The background includes a window with a view of green foliage and a desk with a clock and books.

Алексей Андреев

Книголюбь

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Андреев

Книголюб

«Автор»

2026

Андреев А.

Книголюбы / А. Андреев — «Автор», 2026

Четыре покушения за неделю. Все жертвы — деятели книжной индустрии. А орудием во всех случаях является... старая книга в сером переплёте, с острыми металлическими уголками. Кажется, это отличная задача для пожилого следователя, который не любит современную литературу. Помимо иронического детектива «Книголюбы», дебютировавшего в журнале «Юность», в этот сборник вошло ещё несколько рассказов о непростых отношениях с женщинами и книгами.

© Андреев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

КНИГОЛЮБЫ	5
Глава первая,	5
Глава вторая,	9
Глава третья,	12
Глава четвёртая,	15
Глава пятая,	21
Глава шестая,	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Алексей Андреев

Книголюбы

КНИГОЛЮБЫ (повесть)

Глава первая, в которой две книги встречаются на столе одного следователя

Казалось бы, люди должны радоваться приходу весны: закончились холода, весело щебечут птицы, распускаются цветы... Но почему-то именно весной многие впадают в тоску и депрессию. Может, ожившая природа напоминает им хаос собственной жизни, упущенные возможности и нереализованные планы? Или во всём виновата метеочувствительность, то есть примитивная биологическая реакция на весенние скачки атмосферного давления?

Об этом думала оперуполномоченный Маша Кутейкина, сидя у окна в кабинете следователя Алмаза Гуссейновича Хатемова. А возникли у неё такие мысли потому, что в этот светлый майский день хозяин кабинета был печален. Не только Маша, но и остальные собравшиеся чуяли паршивое настроение следователя — по особой, совсем не весенней тишине в его кабинете.

Однако на столе в этот раз не было мокрого «полумесяца». Такие следы оставались в тех случаях, когда Алмаз Гуссейнович вынимал из сейфа коньяк и не очень аккуратно наливал его в свою бывалую пиалу. Это означало, что дело и вправду тяжёлое. Но сегодня члены оперативно-следственной группы наблюдали другой, необычный вид расстройства.

На столе перед следователем лежали две книги. Одна новенькая, с яркой глянцевой обложкой: там был нарисован человек с длинным пистолетом и выпученными глазами, на фоне небоскрёбов Москва-Сити. Другая книга — явно старая, невзрачный серый переплёт с алой полоской по корешку, блестящие металлические уголки.

Следователь открывал глянцевую книгу, и морщась, читал её, но не более страницы — после чего брался за потёртый томик. Здесь лицо его светлело; но через некоторое время, словно вспомнив о чём-то, он со вздохом закрывал старую книгу и возвращался к первой, глянцевой, и вновь отвращение читалось на его лице.

Такие странные переключения с одного издания на другое следователь проделал уже три раза. Решив, что это может затянуться надолго, Маша потихоньку вытащила мобильник и начала читать статью в «Википедии» про барорецепторы. Но тут Алмаз Гуссейнович оглядел собравшихся, кивнул каким-то своим мыслям и наконец заговорил.

—В общем, так. У меня для вас две новости. Выбирать не предлагаю, начну с хорошей. Меня отправляют на пенсию.

Трое сотрудников полиции, сидящие напротив следователя, переглянулись. Ну да, опера не любят следаков. Но все знали, что Гуссейныч и сам много лет пахал опером, а в Следком перешёл по состоянию здоровья. Ну а пенсия — это ж совсем край! Поэтому каждый из при-

существующих подумал, что надо бы опровергнуть шутку — мол, новость не особо хорошая, всем нам будет не хватать мудрого Деда...

Игра в гляделки кончилась тем, что оба опера мужского пола устали на единственную женщину в помещении. Маша поняла, что именно ей придётся выразить общую боль. Она вздохнула и уже было приоткрыла рот, но Дед не дал ей заговорить:

— А плохая новость в том, что мне не дают уйти спокойно. В качестве прощального подарка подсунили совершенно идиотское дело, о котором даже говорить стыдно.

Все терпеливо ждали.

— В книжном магазине на человека упала книга, — медленно проговорил Алмаз Гуссейнович.

Коллеги продолжали вежливо молчать. Все знали, что Дед любит театральничать.

Но трагическая пауза затянулась. Первым не выдержал лысый проныра Ярик Шпалько, он всегда был в курсе самых идиотских дел:

— В «Библио-Глобусе», что ли? Покушение на писателя-правозащитника?

— Покушение? — Следователь мрачно зыркнул на опера. — Да кто покушается бумажной книгой? Максимум, мелкое хулиганство, и то не доказанное. Ни свидетелей, ни подозреваемых. Поэтому вообще не хотели дело возбуждать. Но пресса устроила шум, и мне позволили «сверху».

— А может, он просто плохие книги писал? — вставил Никита Маковский, красиво скрепящая над столом свои длинные интеллигентные пальцы.

И тоже словил суровый взгляд Деда:

— Ещё один... капитан Очевиднов. Ну да, пострадавший писал полное...

Следователь поднял со стола книжку в яркой обложке, и как бы взвесив её на руке, отбросил с громким хлопком:

— Это просто какое-то издевательство над сотрудниками органов. Мы тут все, оказывается, взяточники, садисты и алкоголики. Хотя этот писака вообще не шарит в нашей работе. У него там майор на каждой странице «передёргивает свой курок».

Шпалько хрюкнул, подавляя смех. Кутейкина тактично посмотрела в окно. Маковский опять что-то складывал из своих длинных пальцев.

— Но именно за такую писанину этого фантазёра провозгласили «борцом с режимом». И теперь свистят во всех новостях, что кровавые псы режима устроили ему травлю. Специально метнули ему в башку книгой. И так удачно метнули, что его на «скорой» увезли. А если бы на сантиметр влево ему прилетело вот этим уголком в висок, так он бы и совсем улетел.

Алмаз Гуссейнович взял со стола вторую книгу, старый том в сером переплёте. Её он тоже взвесил на руке, а затем погладил корешок с алой полосой. И тихо, двумя руками, как будто с большим уважением, положил обратно на стол.

— Можно? — Шпалько потянулся к книге.

Следователь кивнул. Лысый опер приоткрыл обложку, проверил пальцем острый металлический уголок.

— Ну чё, вполне реально, — заметил он. — У нас в Мурманске случай был, два грузчика в порту ругались по пьяни, и один другому отрубил башку. Знаете, чем? Замороженной камбалой. А ещё, когда я в Питер ездил в позапрошлом году, мне тамошние менты такой вещдок показывали — картофельное ружьё. У них там с этого ружья одному депутату...

— Отставить байки, — перебил Алмаз Гуссейнович. — Что мешало этой книге просто упасть с верхней полки?

— Слишком старая, — тут же ответил Маковский, принимая серый томик от Шпалько. — Смотрите, издание 1965 года. И уголки эти металлические, штучная работа на заказ. Их делают для сохранения любимых книг в домашних библиотеках. Такое в «Библио-Глобусе» не продается. Значит, принесли специально.

— Умник, — буркнул Дед, но уже беззлобно. Скорее даже, как комплимент.

— И кстати, — продолжал Маковский. — Поскольку принесли специально, то скорее всего, это и есть сообщение, которое хотел передать нападавший.

— Обоснуй.

— Если это акция протеста против херовой писанины, тогда садануть по башке надо не чем попало, а очень качественной писаниной. Вы посмотрите, автор-то какой!

— Это да...

Алмаз Гуссейнович снова взял старую книгу. Казалось, сейчас он опять погладит грубый серый переплёт. Но вместо этого следователь открыл книгу на середине и вынул оттуда лист бумаги, сложенный пополам.

— Всё верно ты сказал, Никита. У нас и второе сообщение есть. Прислали этому писака по электронной почте, за день до нападения. Мария Владимировна, зачитайте вслух пожалуйста.

Маша развернула бумагу:

— «Здравствуйте! Сообщаем о начале приёма работ для новой серии издательства ЭСКИМО. Принимаются уютные молодежные детективы с кафешками или маленькими магазинами, можно с лёгкой мистикой. Синописис обязателен. Ждём ваших рукописей. С уважением, Некрофанова Юлия».

— Уютный детектив? Дак это ж я, когда три литра пива засосал, ха-га-га! — заржал Шпалько. И не дожидаясь сурового взгляда Деда, тут же добавил: — Давайте займусь этой Некрофановой.

— Нечем там заниматься. — Следователь забрал распечатку у Маши. — Уже проверили. Издательство делало такую рассылку год назад. А это письмецо поддельное. Тот же текст, только с другого адреса послано. Но наш пациент клюнул. Написал, что он как раз заканчивает новый детектив. Ему ответили, мол, издатель готов подписать договор. И назначили встречу в книжном, в отделе эзотерики. Там он и получил... Короче, «несчастливым случаем» тут не отделаться. Надо искать нападавшего. Какие будут соображения?

— Камеры, — кротко предложила Маша.

— Хорошо. На тебе камеры в магазине и опрос сотрудников. Ярик, дуй вместе с ней.

— Алмаз Гуссейнович, я и сама могу...

— Отставить дискуссии. Тебе ещё учиться и учиться. Ярослав тебе покажет, как правильно балякать с охраной, которая сразу же заявит, что записей у них нет. А ты, Никита, как человек культурный, навести прибитого писателя. Узнай, есть ли у него враги. Может, он хотя бы жену увёл у другого писателя...

Оперативники с удивлением посмотрели на следователя.

— Да шучу я, шучу, — отмахнулся Алмаз Гуссейнович. — Просто не верю, что человек пошёл на мокруху из-за такой глупости, как плохая...

Звонок мобильного прервал его. Следователь вынул телефон и сказал «Да, слушаю». Собравшиеся в кабинете наблюдали, как меняется его лицо. За несколько секунд на том лице промелькнуло много эмоций, но самое главное — там впервые за весь день, а может, и за весь год появилось выражение сильного интереса.

— А кто автор книги? — спросил Алмаз Гуссейнович в трубку, и при этом выразительно посмотрел на Маковского. — Угу. А во втором случае? Понятно... Да, присылай. Угу, прямо сейчас, у меня все в сборе.

Он дал отбой и оглядел группу острым взглядом.

— Поздравляю. Я попросил девчат из отдела мониторинга проверить, не было ли в городе похожих «несчастных случаев» на днях. И вот пожалуйста. Ещё двоих деятелей нашей культуры уложили тем же способом.

— Книгами?! – хором воскликнули Шпалько и Маковский.

— Так точно. Один остался без глаза, а второй совсем зажмурился.

— Серийник... — выдохнула Кутейкина.

— Не спешить с выводами! — Бодрый и как будто даже помолодевший Алмаз Гуссейнович с улыбкой погрозил ей пальцем. — Однако планы наши меняются. Маша, едешь в «Библио-Глобус» одна.

— Поняла. Разберусь.

— А вы, бойцы, дуйте свежие кейсы смотреть. Ярослав, на тебе ресторан «Батлер», это Трехпрудный, 15. Там вчера вечером с книжной полки очень прицельно упал тот же прекрасный автор прошлого века, что и в «Библио-Глобусе».

— Да знаю я этот «Батлер». Недешёвый шалманчик...

— И хорошо, не будешь пить на работе! Так, теперь Никита. Ты двигай на 2-ю Звенигородскую, дом 12, строение 18. Там находится какой-то «Кибердом», и у них прямо сегодня... ну, я тебе скину детали, пока едешь. Всё, поскакали. Если чего нароете, сразу созвон.

Глава вторая, в которой выясняется физическая природа некоторых случаев полтергейста

Девушка, а вы правда из полиции? Нет-нет, не надо показывать, я вам верю. Просто непривычно, такая молодая, симпатичная... Да, здесь работаю. Ларина Татьяна Арнольдовна, продавец-консультант. Верно, как у Пушкина, только отчество другое. Очень хорошо, что знаете. И имя у вас такое хорошее, я видела в вашем удостоверении. Неужели в полиции какая-то реформа?

Вы меня извините, Машенька, я краем уха слышала ваш разговор с нашей охраной. И вижу, как вы расстроились, когда они сказали, что все записи стираются через двое суток. На самом деле, они врут. А я не люблю, когда врут. Я вам покажу запись. Да, того самого происшествия. Только давайте не здесь. Давайте в кафе спустимся. Вон туда по лесенке.

Смотрите, как тут хорошо, никого нет сегодня. Да, целый подвальный этаж, сюда мало кто доходит, хотя здесь много интересного. Нумизматикой не увлекаетесь? Вон там в конце зала — магазин старинных монет. Я их люблю рассматривать, прямо как в музее. Видели когда-нибудь советский золотой червонец? Там есть.

А тут подарочные издания и сувениры, если надо будет какому-нибудь вашему генералу на юбилей... Ой извините, заболталась. Давайте мы здесь в уголке сядем. Кофе будете? Да, я тоже.

Так вот, про камеры. Они вам наврали, что записи стирают. На самом деле, у них и не было этой записи. В зале эзотерической литературы камера вообще ничего не записывает. Потому что это очень мистический зал, самый близкий к астральному миру, понимаете? Нет?

И замечательно, что не понимаете. Я вас немножко разыграла, Машенька, простите. А вы небось уже подумали — ох, попалась мне бабулька с мистической шизой! А бабулька-то по образованию кандидат физико-математических наук. Ага, ничего себе! И я тоже не верю во всякую мистику. А камера в том зале просто сломана.

Почему знаю? А я иногда на работе, когда народу нет, записываю видеоролики для своего блога. И я специально узнавала у охраны, в каких залах камеры работают, чтобы не попадать на запись со своими исследованиями.

Нет, ничего противозаконного, что вы! Просто ролики про АСМР. Не знаете? Это такие особые приятные ощущения, с покалыванием кожи и мурашками. Возникают от разных специфических звуков. Например, от шелеста книжных страниц.

Не на всех, конечно, действует. Кто-то вообще ничего не чувствует, сколько при нём не шурши. Но многие говорят, что их очень успокаивает. А есть такие, кто прям кайфует от книжного шелеста. В Интернете много видео с АСМР-звуками, вы посмотрите потом — может, у вас тоже мурашки будут.

Вот этот шелест страниц я и записываю для блога. Тут ведь книжный магазин, много материала для опытов. И все книги очень по-разному действуют, когда шелестят.

Верно, бумага разная. И по толщине, и по составу. Но то, что на бумаге напечатано, тоже сильно влияет. Ведь каждая напечатанная буква меняет плотность того участка бумаги, где она напечатана. Получается, что каждая печатная строчка — это полоска бумаги с переменной плотностью. Как застывшая волна.

А страница — целое озеро застывших волн. И в случае определённых внешних воздействий эти волны оживают! Они начинают резонировать, интерферировать... Можно сказать, книга начинает петь.

Это похоже на грампластинку. А-а, вы наверное и не застали? В кино, да. По сути, это просто царапины на виниле. Каждая царапина — извилистая канавка, буквально как волна. Но толщина и глубина извивов везде разная. Иголка едет по этой канавке и вибрирует с разной частотой, вибрации передаются на усилитель, получается музыка.

Говорят, на основе того же принципа можно услышать голоса древних людей, записанные на глиняных кувшинах. Если гончар во время работы пел, то звуковые вибрации передавались на его пальцы и записывались в микроскопических глиняных дорожках по стенкам кувшина, как на рок-н-ролл на пластинках.

Нет, это пока гипотеза. Нужна очень тонкая аппаратура, чтобы такие гончарные записи прочесть. Вот и с шелестом книг примерно так же. Мы в институте пытались исследовать такие явления, ещё в те времена, когда у нас в стране была наука. А сейчас это никому не нужно... Так что у меня это просто как личное хобби осталось.

Но зато Интернет появился, можно там проводить маленькие опыты с обратной связью. Ну да, на людях. Записываю шорох разных книг — а потом смотрю, какие реакции у подписчиков моих.

И знаете, все книги поют по-разному. Берём, например, два сборника стихов, изданные в одной серии. В первом поэмы Александра Сергеевича нашего. А в другом верлибры какого-нибудь Дмитрия Водянистова. Это конечно дико, что у нас в классики стали записывать кого попало, и ставить в один ряд... Но для чистоты опыта это хорошо. Бумага в книгах одной серии — одинаковая, и страницы стандартного размера. Значит, когда мы шелестим страничками, влиять будет только текст.

И как вы думаете, чей шелест вызывает приятные мурашки, а чей тошноту?

Ах да, про запись происшествий! Извините, Машенька, я опять заболталась. Так вот, у охраны нет записей из этого зала. А у меня есть. Потому что я в тот день решила записать новый ролик. Именно этих двоих прошуршать, Пушкина и Водянистова. А потом выложить в блоге, но не говорить, где чей шелест. И собрать отзывы.

Дело было утром в понедельник, когда народу в магазине нет. Я специально такие дни выбираю для записи. Но только я поставила свой айфон в дальнем углу этого зальчика с эзотерикой, только начала Пушкиным шелестеть в тишине — вдруг за спиной шаги. И тот самый писатель влезает в кадр и портит мне ролик! Давайте я вам покажу.

Вот, это я, видите. У меня книжка перед камерой, я ею шуршу. А теперь смотрите, слева у меня за плечом. Вот! Человек появляется в проходе... И что-то сверху пролетело, но тут всё размыто.

Да, это вся запись, увы. Когда я услышала шаги, сразу стала айфон выключать: не люблю свои опыты афишировать. Тут же и другие наши сотрудницы подошли, кто услышал шум падения.

Ох, даже и не думала, что человека может так сильно поранить упавшая книга!

Нет, никаких других людей поблизости не было. Окно? Да, проветриваем. Но это второй этаж, а по современным меркам практически третий, вряд ли кто мог бы... Если хотите, мы сейчас поднимемся, я вам покажу.

А вообще книги здесь не первый раз летают. Да и не только здесь. По статистике, самый частый случай полтергейста с перемещением предметов — это падение книг.

Нет-нет, ничего мистического. Я же вам рассказывала: каждая строчка в книге — застывшая волна, спящая вибрация. Когда шелестишь страницами, эти волны оживают в звуке. И вызывают те самые мурашки, от каждой книги разные.

Ну а другие внешние воздействия могут вызвать более мощный резонанс. Вы знаете, что солдатам запрещают ходить «в ногу» по мостам? Потому что бывали случаи, когда мосты рушились от ритмичного строевого шага. А как здания трясутся от трамваев, слышали? Вот

и книга вполне может резонировать, например, от звука шагов. И не только петь может, но и летать.

Ах, конечно! Диктуйте ваш номер, Машенька, я вам перешлю запись. Хотя там всё так быстро случилось, ничего не разглядеть.

Но вот что интересно: именно в той книге, которая на него упала, описан летательный аппарат, состоящий из множества колокольчиков. Представляете, тот же принцип движения – резонанс вибраций! Это конечно фантазия, но очень любопытная. Ведь если подумать, на резонансе вибраций весь наш мир построен...

Не читали? Ну да, в школе только «Алые паруса» проходят. Но вы обязательно почитайте «Блестящий мир». Правда, эту книгу забрали те полицейские, которые позавчера приходили... А-а, у вашего следователя? Вот и хорошо, вам будет чего почитать на работе.

Или к нам приходите, тут читать удобно — тихо, народу нет, зато кофе есть. А книги иногда летают, да. Не так уж часто, но летают!

Глава третья, в которой гадания на суженого показывают многогранность человеческого характера

Здравствуйте, меня зовут Ольга, я буду вашей официанткой сегодня. Вы уже готовы сделать заказ? А-а, из полиции... Да, меня менеджер предупреждал. Нет, садиться с гостями нам нельзя. Ха-а, точно, вы ж не гость! Ладно, тогда присяду.

Да, видела. Хотя это не мой стол, а Светкин. У нас все столы распределены. Этот чел всегда садился обедать вон там в углу, у книжного шкафа. Там Светкины столы. А мои вот эти, с другой стороны зала.

Когда он первый раз к нам пришёл, ещё в том году, он мне даже понравился. Не то чтобы краш, но симпатичный такой мужик, уверенный. И одет всегда зачётно. Видно, что не лох. В каком-то издательстве работает. Типа, главный редактор. А может и директор, не знаю. Но было ясно, что он там рулит. Постоянно вёл какие-то переговоры по мобиле, и всегда ругался громко. Волей-неволей будешь знать, как люди бизнес делают.

Что именно? Ну вот например, в том году он кричал кому-то, что «заднеприводные мощно продаются». Я вначале думала, это про тачки. Но когда прислушалась... Нет, это другое. Он заставлял своих подчинённых искать для публикации такие скандальные книги, ну, с нетрадиционными. А потом, когда это запретили — так он стал их поучать, чтобы всё такое в книгах маскировали другими словами. Говорил «берите больше китайчатины, у них всё замылено!».

И кстати, патриотизмом он вообще не отличался. Один раз иду мимо него к своим гостям, а он в трубку говорит: «Русские писатели никому не нужны!». И объясняет, почему иностранные книги выгоднее издавать: не надо самим искать новых авторов, не надо их раскручивать — всё уже сделано зарубежными издателями. Права на перевод стоят копейки, а сам перевод ещё дешевле, нейронкой можно любой роман за час перевести.

Он даже ругался, что они много времени тратят на редактуру. Требовал, чтобы редакторы вместо этого хвалили новые книги в соцсетях. Прямо так и говорил: «У нас редактор не для того, чтобы тексты править, а для того, чтобы их продавать!». Ну, я теперь знаю, почему новые книжки выходят такие безграмотные.

В общем, разочаровалась я в нём. Даже порадовалась, что это не мой стол, а Светкин. Но нам по правилам нужно стоять вот тут, когда мы не заняты, и смотреть в зал. Мало ли, гостю чего понадобится, пока других официанток нет. Ага, вот у этой тумбы, они называются «станциями».

Вот и вчера, когда Светка приняла у него заказ и ушла на кухню, я тут стояла на станции. А он там в своём углу бухтел по мобиле. Нет, не слышала в этот раз. Говорю же, он такой токсик оказался, даже не хотелось больше слушать его. Я думала вообще из зала свалить, благо на моих столиках не было гостей.

Но не ушла, потому что... Как бы это сказать... У нас тут с девочками одна игра есть. Гадание на книгах.

Ага, и на этих. Но не только. В других залах у нас тоже шкафы с книгами стоят. И в туалете тоже. Ну, просто для красоты, типа домашний вайб такой. Перед Новым годом даже меню литературное напечатали. Там очень забавные блюда были: «Пицца Маргарита без Мастера», «Буррата от Папы Карло», «Утиная ножка Серая Шейка»... Правда, через месяц вернули старое меню, потому что многие гости не понимали всех этих ассоциаций, задавали вопросы. Вообще сейчас люди мало читают, мне кажется.

Но иногда бывает, чел ждёт заказа, и от скуки берёт полистать одну из этих старых книжек. И однажды мы с девчонками, когда увидели такое, стали спорить, можно ли понять характер челика по книге, которую он выбрал в шкафу... И так, слово за слово, придумали игру.

Вы наверное видели, как официантки вместе со счётом кладут гостю на стол карточку с телефонным номером, чтобы чаевые переводить. Да-да, сейчас кладут куар-код. Но у нас в том году были ещё карточки с телефоном. Вот Светка и говорит: давайте каждая положит свою карточку в ту книгу, которая ей нравится. Если какой-то гость вытащит эту самую книгу с твоим номером — вот тебе и суженый с нужным характером.

Криповая игра, конечно. Но у одной сработало, буквально через пару дней. Она свою карточку засунула в Достоевского. А тот парень, как только сел, ещё даже меню не посмотрел — сразу Достоевского выхватил из шкафа. Карточка ему в руки выпала, он забрал её с собой... и позвонил в тот же вечер! Они вместе Новый год провели, и после ещё встречались целых четыре месяца, она прям светилась вся. Правда, потом оказалось, что он не только Достоевским увлекается. У него на компе были нюшки малолеток и ещё всякое. Ну, просто не во всём они совпали, только в литературе.

Но после этого случая все наши девочки поверили в гадание на книгах. Светка сказала, что у нас получился дейтинг покруче «Тиндера».

И я тоже решила поиграть. А моя книга стоит как раз в том шкафу, рядом с которым всегда садился этот душнила из издательства...

Какая? Вы только пообещайте, что не будете смеяться. Точно?

Ладно, скажу. «Незнайка на Луне».

Да блин, вы же обещали не смеяться!

Ну да, детская. Мне её папа читал на ночь. Нет, конечно, я с тех пор и другие... А вы думаете, если девушка официанткой работает, так она совсем лабуба? Да ладно, не извиняйтесь. Я и сама на этой работе не собираюсь залипать. Надо только учёбу закончить...

Нет, не угадали. Театральный.

Вот именно, у нас без литературы никуда, полная голова Чехова. И любимых книг могу ещё с десятков назвать. Просто их не было в здешних шкафах. Я и положила свой номер в «Незнайку». Ещё тогда подумала: этот штрих из издательства постоянно орёт в мобилу, что «надо лучше продвигать» — но все хорошие книги приходили ко мне безо всякого продвижения, вот как «Незнайка» от папы.

А папа рассказывал то же самое про свои любимые книги: как в студенческие времена они читали Толкина в виде ксерокопии, которую вручную сшили и друг другу передавали. Получается, что хорошая книга — она самоходная. А если книгу не замечают без рекламных костылей, стоит ли такое худло вообще читать?

Ну и вчера, когда Светка ушла на кухню, я осталась в зале, чтобы просто... присмотреть за своей книгой. Даже не думала, что этот чел захочет «Незнайку» вытащить. После всего, что он тут наорал, он мне казался совсем тухлым барыгой.

И вдруг я вижу, он положил мобилу, сидит задумчивый, смотрит на книжный шкаф. И даже голову набок склонил — читает названия. Потом встаёт из-за стола, протягивает руку и вытаскивает с полки именно эту детскую книжку в голубой обложке! Нежно так вытаскивает, и лицо такое...

Я даже губу себе укусила. Выходит, я зря его хейтила? Бывает же, что люди снаружи грубые, но внутри...

У нас тут на кухне одна девочка есть, она раньше работала на каком-то портале редактором новостей. Я однажды спросила, почему она оттуда ушла. Хорошее же место, не то что кухня эта гремучая. Она посмеялась и отвечает: «Ну представь, тебе говорят, что ты пишешь крутые тексты, и зовут к себе на работу. А работа оказывается такая, что нужно целыми днями постить трешовые тексты других людей. Так и сама писать разучишься».

Может, и у этого мужика подобная история, подумала я. Такая работа, которая огрубляет. Но если чел любит «Незнайку на Луне», он не может быть совсем урод...

Тут и Светка подошла сзади, она ему кофе несла. Я к ней повернулась и руками показываю — типа, подожди чуть-чуть. Хотелось досмотреть, как он книжку открывает.

И как раз когда я на Светку отвлеклась, в зале что-то упало. Мы побежали, посмотрим, он лежит и стонет, держится за глаз. А рядом книжка вот эта, серенькая, с металлическими уголками. Наверное, он, когда «Незнайку» вытаскивал, слишком сильно качнул шкаф. На него и свалилась другая книжка с самого верху.

Мы ему сразу «скорую» вызвали. Он конечно жутко ругался, обещал на нас в суд подать. Но я рассказала нашему менеджеру, что он сам в шкаф полез. Менеджер сразу за это ухватился и повернул дело так, что гость сам виноват, стал дёргать предметы обстановки ресторана, которые для этого не предназначены, и свидетели есть. В общем, замяли как-то.

Неа, в этом зале больше никого не было. Справа? Там проход в другой зал. Да, по этому коридору часто ходят, там у нас туалет и выход на летнюю веранду. А вы думаете, кто-то в него бросил оттуда? Ну да, здесь темновато, можно не заметить.

Хм-м... А ведь правда, ему очень зачётно прилетело! Чтобы книга со шкафа выбила глаз, надо как-то особенно стоять, задрал голову... Но я никого больше здесь не видела.

Да, «Незнайка» до сих пор там стоит, вон на той полке. А вам-то зачем? Мой номер? Да ну, какие чаевые, вы же ничего не заказывали! Хорошо, принесу. А вам можно на работе? Ладно, как скажете.

Глава четвёртая, в которой противозаконное увлечение помогает увидеть важную деталь

Слушайте, я вам всё расскажу. Чистосердечно. Только пожалуйста, дайте позвонить жене! У меня телефон сел, а эти не дают. Говорят, ждите полицию.

Ага, вот спасибо... Как вас зовут? Спасибо, Никита. И давайте я сначала вам расскажу, а потом буду жене звонить. Иначе она меня замучает вопросами похуже любой полиции, это затянется ещё на два часа.

Вы знаете, Никита, что такое «Маньёсю»? Ого! Не ожидал. А куда поступали? Ну, ещё не всё потеряно, поступите...

Так вот, у меня это началось с «Маньёсю». С японской поэзии восьмого века, как вы верно заметили. Хотя, если совсем точно, то началось с Хемингуэя. Правда, его я не крал. Но именно с ним я впервые почувствовал этот благородный позыв.

То кафе на Ленинском называлось, кажется, «Фантазёры». Интерьер под ретро, как сейчас модно. На одном подоконнике стоит старый радиоприёмник с названиями городов на шкале частот, в другом окне — такой же древний чемоданчик-проигрыватель с полупрозрачной пластинкой на вертушке. А на полке шкафа между столами — плёночный фотоаппарат «Зенит» и несколько старых книг.

Я доел омлет и сидел в ожидании чая. Взял сборник Хэма. Полистал и неожиданно зачитался. Даже не заметил, как принесли чай и как он успел остыть.

Нужно было бежать на работу. И очень хотелось взять книгу с собой. Понятно же, что здесь она никому не нужна. Никто не будет делать фотки этим «Зенитом» с разбитым видеоискателем. Никто не будет крутить ручку мёртвого радио, пытаясь поймать Прагу или Ташкент. И книжки эти потрёпанные читать никто не будет. Все вокруг молодые-цифровые, пялятся в айфоны. У них даже нет этого инстинкта: сканировать взглядом корешки на полках. Как в нашей юности, когда выискиваешь интересное в книжном магазине. Или когда в гостях по корешкам в шкафу определяешь, чем увлекается хозяин дома...

Вы так делаете, правда? Это замечательно! Но согласитесь, Никита, в вашем поколении мало кто так делает. Вот и в том кафе никто.... Я сразу представил, что когда кафешка разорится, новый съёмщик откроет там неоновый барбершоп для дровосексуалов, а Хемингуэй полетит на ту же помойку, куда вынесут старый приёмник и фотоаппарат.

Официантка спросила, хочу ли я заказать что-нибудь ещё. Я поставил Хэма обратно в шкаф и попросил счёт. Но чувство протеста против «книжных интерьеров» и желание унести книжку — это мне запомнилось очень хорошо.

Что касается «Маньёсю», её первой увидела моя жена, она увлекается восточной культурой. И где увидела — в пельменной «Лепим и варим», на полке у входа в туалет! Отличное место для великой антологии древнеяпонской поэзии, не правда ли?

Тут уж я не на шутку загорелся идеей спасти старую книгу. Но жена сказала, что красть нехорошо. Давай спросим у них разрешения, сказала она. Можем предложить им принести что-нибудь взамен.

Да, такое иногда работает. Однажды в кафе «Старс», которое в Строгино, нам вот так запросто отдали книжку сказок Одоевского. Но в пельменной это не прокатило. Официантка сказала, что нужно спрашивать у директора, а его сейчас нет.

Через месяц мы снова зашли в ту пельменную в Столешниковом. Сборник японской поэзии всё так же торчал на полке у туалета, прижатый каким-то другим потрёпанным томом. За месяц книжка не сдвинулась ни на миллиметр. Никто не открывал её. Она просто прикрывала дыру в штукатурке.

Однако я уже не хотел спорить с женой. И наверное, мы бы опять ушли без книги, как прошлый раз. Мы доели свои пельмени, и я подошёл к вешалке, где висело пальто жены. Книжная полка находилась в метре от меня...

И точно в этот миг отключилось электричество. Пельменная погрузилась в полную темноту: дело было зимой, поздним вечером. Во тьме раздался нервный смешок кого-то из посетителей. Потом — успокаивающие слова невидимой официантки о том, что у них регулярно выбивает пробки.

Пропустить такой знак я не мог. Когда свет загорелся снова, «Маньёсю» уже лежала в рукаве пальто.

С Паустовским тоже был знак. Как раз перед тем, как увидеть его книги в «Вареничной номер 1» на Новом Арбате, мы с женой целый вечер терзали одну бямку. Ну да, большую языковую модель. Все же вокруг с ними носятся, и жена моя очень переживает, что этот гадкий искусственный интеллект отберёт работу у литераторов.

Чтобы её успокоить, я показал ей, как поставить себе агента. И мы стали проверять, каких писателей сможет заменить бямка.

Хотя мне и без проверок было понятно. Главная метрика бямки — близость слов. Буквальная близость: нейронка запоминает расстояния между словами в текстах, на которых она обучается. И подбирая очередное слово для генерации фразы, она просто находит самое близкое из возможных словосочетаний. Это как запеть в большой компании «В лесу родилась...» — наверняка тебе подпоют «...ёлочка!».

Поэтому бямки легко заменят тех, кто пишет штампами. Все эти бесконечные фэнтези на сайтах типа Author.Today, словно пересказы компьютерных игр устами школьника — каждое следующее слово угадывается так же легко, как та ёлочка в песне. Бямка может гнать такое километрами.

А теперь представьте писателя, стиль которого — соединять слова далёкие, которые никто раньше не ставил рядом. Но не случайным образом их сопоставлять, а так, чтобы между ними пробегала искра узнавания. Это полная противоположность частотному подходу нейронки. Чёрный лебедь, ломающий нормальное распределение штампов. Настоящая поэзия.

Именно так писал Паустовский. Почти в каждой строке — свежая метафора, яркий и узнаваемый образ. «Огородные грядки были присыпаны крупной солью мороза». «Осень пахла гарью и старым вином». «В полдень над горизонтом розовым мрамором блистали облака». Хорошо же, правда?

Так вот, мы с женой предлагали бямке написать что-нибудь в стиле Паустовского. Бямка легко имитировала структуру его простых предложений, но по части образов — лишь повторяла штампы. Осень у неё пахла так же тривиально, как любая осень: прелой листвой. Никакого нового сочетания слов, никакой искры.

И надо же такому случиться — только мы выявили писателя, которого нейронка не сможет заменить, как я вижу полное собрание сочинений Паустовского в «Вареничной», между кассетным магнитофоном и деревянными лыжами. Книги с отличным русским языком — в интересе жральной, в роли декоративного хлама!

Я осмотрелся. Нет смысла надеяться, что в каждом кафе мне будет сопутствовать электрическое затмение. Но Паустовский лежит у самого выхода. Если туда не добивают камеры... А где у них тут камеры?

Стало ясно, что нужна более серьёзная подготовка. И я отложил спасение Паустовского на следующий заход, после новогодних праздников. А жена воспользовалась этой заминкой, чтобы сорвать операцию: купила на «Авито» такое же собрание сочинений в семи томах, и подарила мне на Новый год.

На некоторое время я успокоился. Надо признаться, у нас дома и так многовато бумажных книжек. А тут мне ещё семь томов отличного чтива привалило.

Поэтому идея спасения литературы прошлого от интерьерных дизайнеров как-то отошла на второй план. А жена тем временем отнесла «Маньёсю» обратно в пельменную. И я даже не ругался. В конце концов, это она увлекается восточной поэзией, а не я.

Но вчера нас пригласили в этот самый «Кибердом», на церемонию вручения премии за лучшую современную фантастику. Правда, жена сразу предупредила, что ничего интересного там не будет. Победитель известен заранее, потому что его издатель — спонсор конкурса. У нас многие литпремии так устроены. Смотришь, кто сидит в жюри, кто спонсор, и сразу всё ясно.

Однако жене надо было написать для своего журнала репортаж об этом сборище. И мы пошли.

И вот там на меня накатило с новой силой. Потолки в «Кибердоме» высоченные, а стены декорированы книжными полками до самого потолка. Пока мы пили кофе на первом этаже, жена показала мне на одной из нижних полок двухтомник Симонова. Но мы ничего не будем здесь брать, строго сказала она. Может, даже не мне, а себе.

Мы поднялись на второй этаж — и там то же самое! В зале, где собирались объявлять лауреатов премии — гигантский стеллаж во всю стену, уставленный старыми переплётами. Казалось, айтишники празднуют здесь победу цифрового мира над бумажным, а книги для них — это скальпы проигравших.

Церемония началась. Председатель жюри вышел на сцену и затянул пафосную речь о том, как нашей стране не хватает позитивных образов будущего, и как эта самая премия призвана такие образы найти. А поскольку будущее неразрывно связано с высокими технологиями, то церемонию награждения решили провести в таком символичном месте, как «Кибердом».

Я же в это время рассматривал книги, которыми украсили стену. На верхней полке, под самым потолком, приметил знакомый серый переплёт с алой буквой. Александр Грин, издание шестидесятых годов. Я когда-то в гостях листал этот шеститомник, и запомнил себе на будущее — там в одном томе есть несколько рассказов, которые я не читал.

Но здесь не был виден номер тома, потому что книгу подпирал на полке какой-то крупный чёрный предмет. То ли аудиоколонка, то ли роутер для вайфая. И эта штука заслоняла часть книги. Я ещё тогда подумал, что это похоже на большую летучую мышь, которая притаилась в самом тёмном углу. Эх, был бы у меня такой помощник, мы бы легко утащили этого Грина...

Жена проследила мой взгляд, скептически усмехнулась:

— Здесь не обойдёшься без лестницы.

— Да, тут нужна... организация. Надо создать подпольное движение. Общество спасения книг. Сокращённо ВОСК.

— А что под буквой В?

— Ну, Всероссийское же.

В зале погас свет, и я вообразил на миг, что книжный бог опять пришёл мне на помощь, как тогда в пельменной. Но нет, с электричеством в логове айтишников было всё в порядке. Просто стали показывать буктрейлеры, снятые по книгам финалистов. Как трейлер нового фильма, только про книгу.

И это, признаюсь вам, был суший ад. Мне сразу вспомнился один старый сборник советской фантастики, с послесловием Ивана Ефремова. Он там писал: мы избежали мусора, заразившего зарубежную фантастику — всякой мистики, оборотней, маньяков-убийц...

И вот ровно то, что призывал фильтровать Ефремов, стали показывать в этих буктрейлерах. Сначала попёрла какая-то хтонь из альтернативного XIX века: вампиры в форме офицеров русской армии пьют кровь тургеневских барышень, а ректор магической академии Анна Каренина-Кюри, разгуливая в неглиже, облизывает осиновый кол и готовит реванш. Видимо, этот кол и был «позитивным образом будущего».

Следующий ролик — ещё дурней: Москву захватывают пришельцы в форме поребриков, и эта гигантская сеть умных камней незаметно зомбирует население через гипнотические светофоры. В результате у людей начинает преобладать квадратно-гнездовой формат мышления, и вся молодёжь идёт в IT-индустрию. Этого и добиваются пришельцы-поребрики, ведь их любимая еда — пальцы программистов...

Вынести такую бредятину было непросто, и в конце концов я вообще перестал глядеть на экран. Вместо этого изучал книжный шкаф да прикидывал, как спасти Грина. Нет, одному тут не управиться. Лестница нужна приличная, её вдвоём надо тащить.

Может, и в правду создать такое сообщество? Только чем туда привлечь людей... Взять хоть эту молодёжь, что собралась чествовать современную фантастику в «Кибердоме». Нужны им свежие метафоры? Едва ли. Какое там небо цвета мрамора, если они вообще на небо не смотрят, только в айфоны.

Нет, для культа старых книг нужна серьёзная идейная база. Иначе скажут, что у меня просто старпёрская ностальгия, отягощённая клептоманией.

Пока я размышлял, на экране пошёл третий буктрейлер. Унылая антиутопия, в которой Россия будущего отгорожена от всего мира, и все передовые технологии запрещены. Телефоны остались только в виде уличных будок, а смартфоны превратились в кирпичи, и новое поколение даже не знает, для чего они были нужны — их теперь используют только для безответных молитв, потому что на экранах остались «иконки». Но один гениальный парнишка проводит реверс-инжиниринг смартфона и выясняет, что через эту чёрную коробочку можно заказывать доставку пиццы...

А что, неплохая идея для Общества Спасения Книг, подумал я. Реверс забытых человеческих отношений. Многие современные мужики выросли в неполных семьях, у этих пацанов не было перед глазами нормальных ролевых моделей. К нашему времени такой пацан отлично выстроил карьеру — а что делать с женщинами, он вообще не рубит. Но может, если дать ему Грина, он хоть что-нибудь поймёт?

Я снова нашёл глазами серый переплёт с красной буквой. Потом опустил взгляд ниже — и увидел симпатичную девушку, сидящую рядом с книжным шкафом. В её профиле, подсвеченном с киноэкрана, было что-то анимешное. Длинные светлые волосы стекают на плечо, а в руках... но нет, не книга. Планшет.

И тут я понял, из кого должно состоять настоящее, боевое сообщество ВОСК. Ну конечно же! Это должна быть женская секта! Именно они сейчас — основные читатели книг. Мужики-то в танчики играют. А девушки ищут суррогаты чувств и отношений, которых в жизни не хватает. Это как раз то, что может дать литература.

Вот только современные писатели по большей части — тоже женщины, с теми же проблемами. Получается замкнутый круг неудовлетворённой переклички слабого пола.

Надо просто подсказать им, что ответы на их вопросы — не на курсах креативного вранкингa, и не в новеллах-однодневках из редакции Елены Штрудельной. А в тех старых романах, что написаны на основе серьёзного жизненного опыта, да ещё проверены десятилетиями читательского признания. Это будет отличный стимул для спасения правильных книг из интерьеров жрален!

И между прочим, девушке легче, чем мужику, унести книгу из кафе. Когда мы с женой ходим стрелять из лука, я всегда отдаю ей чехол перед входом в метро. Потому что меня с таким багажом обязательно останавливают, просвечивают рентгеном, иногда даже требуют открыть и показать. А если женщина несёт такой чехол на плече, никто не обращает внимания. Она так может даже пулемёт пронести. Или, скажем, лестницу в этот зал, чтобы книжку достать...

— На кого ты там пялишься?

Жена перегнулась за спинку моего кресла и посмотрела на девушку у книжной стены. И возмущённо фыркнула.

— Ну ты вообще. Она же тебе в дочки годится!

— Чего ты выдумываешь? Я на книжки смотрел...

— Ага, как же!

Сзади на нас зашикали. Мы замолчали и снова уставились на экран, где начался буктрейлер книги-победителя. И вроде неплохо так начался: будущее вполне светлое, космические корабли бороздят...

Но и тут через полминуты пошёл мрак. Оказывается, на тех кораблях летают только ожившие мертвецы. Да и они — лишь аватары, управляемые цивилизацией квантовых бобров, которые могут управлять вообще чем угодно, выстраивая квантобобровые плотины в синхрофазотронном потоке сознания Вселенной. Однако квантовые бобры не переносят открытых пространств, там у них начинаются приступы квантовой запутанности. И потому для освоения космоса им нужны стабильные земные покойники. Но за тот же носитель борются квантовые кроты, которые путешествуют по Вселенной другим способом — через кротовые норы. А норы те открываются только внутри человека...

Ну бред же, правда? Автор этой книги, кстати, сидел в первом ряду, вместе с остальными финалистами и членами жюри. Их профили были чётко очерчены на фоне экрана, и мне показалось, что все они похожи на зомби. Наверное, нехорошо такое говорить об уважаемых людях, но...

Знаете, когда хорошую книгу читаешь, то и автора представляешь симпатичным, интересным человеком. Как там у Элинджера было? «Писатель, которому хочется позвонить».

А тут — сидят все такие сутулые, лысоватые, с остекленевшими глазами... Легко представить, что у каждого за ухом вживлён маленький чип, который диктует хриплым голосом: «Больше мрака, больше хтони, больше мрака, больше хтони...»

Наверное, это мне буктрейлером наваяло. На экране как раз смаковали сцену оживания очередного мертвеца космическими бобрами. Видно было, что ролик сгенерирован бямкой, и неестественно вылизанная картинка только усиливала жутковатое ощущение.

Вот тогда оно и случилось. Что-то грохнуло, но не с экрана, а прямо в зале. Потом женщина закричала.

Да что говорить, я и сам давно так не пугался. У нас в институтской общаге был один шутник, который любил подкрасться сзади, когда ребята смотрели ужастики на видеке, и хлопнуть кого-нибудь полотенцем по плечу. Некоторые прямо на метр подпрыгивали.

Вот и тут похоже вышло. Неудивительно, что у председателя жюри инфаркт случился. Хотя его и не трогал никто, просто книга упала со шкафа. Жалко, конечно, старика. Но, с другой стороны, он же сам вытащил этих ходячих мертвецов в лауреаты...

Да, вот эта самая книга на него упала. Сначала никто и не понял, темно же было. Но когда свет включили, я сразу заметил, что Грина уже нет на полке шкафа. Поэтому стал смотреть на полу. Книга лежала под сиденьями первого ряда, где председатель сидел. Я подошёл и поднял её.

Тут как раз охрана набежала, меня и попросили остаться как свидетеля. Хотя какой из меня свидетель? Я вообще в пятом ряду сидел. Как книга летела, не видел. Видел только, как она стояла на верхней полке... до этого.

А вообще странно как-то. Если б она просто свалилась вниз, она бы пришибла ту девушку с планшетом, что сидела у стеллажа. Но получается, книжка долетела аж до середины первого ряда, и прямо ему по затылку! Может, те самые... хе-х... квантовые кроты подсобили?

Нет, больше ничего. Можно я теперь жене позвоню? Вот спасибо!

И ещё я хотел спросить, Никита: а книгу эту вы с собой заберёте? Просто я успел посмотреть, какие рассказы Грина в этом томе. Как раз те, которых я не читал. Ага, вещдок, понимаю. Ну, жаль, жаль.

Глава пятая, в которой мозговой штурм работает не хуже, чем искусственный интеллект

Если верить рекламе, новые вещи должны быть надёжнее старых. И вроде разумно звучит: у нас же прогресс, высокие технологии, умные материалы. Однако же читалка для электронных книг сдохла на днях, хотя ей всего три года было — и вся твоя цифровая библиотека накрылась. Собрался почитать нужный текст в Интернете, вытащил из закладок ссылку прошлогоднюю, но и там теперь 404 Not Found.

А бумажная книжка, полвека назад напечатанная — вот она, ничуть не испортилась. И ещё сотню лет может спокойно простоять в шкафу. Всё-таки японцы не дураки: хоть и делают самую продвинутую технику, но очень уважают старые предметы быта. Моно-но-аварэ, ваби-саби, кинцуги — всё об этом, о сильном духе старой вещи. Может, попробовать снова поступить на востоковедение?

Так размышлял оперуполномоченный Никита Маковский, сидя в кабинете следователя Алмаза Гуссейновича Хатемова. Самого следователя пока не было, но у него на столе лежали стопкой три серых томика Александра Грина, с алой полоской на корешках и металлическими уголками по краям обложек. Два других опера, Маша Кутейкина и Ярик Шпалько, сидели рядом и тоже разглядывали книжную инсталляцию.

Алмаз Гуссейнович ворвался в кабинет с какой-то распечаткой в руке, и сразу выпалил: — Ну что, голуби мои, отличное дельце!

Собравшиеся не спешили возражать. Все понимали, что это ирония. Следователь сел в любимое кресло, скрипнувшее сухим, но ещё крепким деревом.

— Итак, двое суток прошло. Подозреваемых по-прежнему нет. Нормальных записей с камер тоже нет. Свидетели ничего толком не видели. Какие будут соображения?

— Нечистая сила, однозначно, — хмыкнул Шпалько.

— Полтергейст, — поправила Кутейкина.

— Да, точность поражения нечеловеческая, — развёл красивыми пальцами Маковский. — Вы когда-нибудь кидали книгу? Прицельно попасть углом обложки три раза подряд...

Шпалько выхватил из кармана банковскую карту и помахал перед носом у Маковского:

— Я знаю мужика, который вот такие карточки в дерево втыкает с пяти метров. Правда, он сидел десять лет, у него было время...

— Отставить балаган. Сюда смотрим. — Алмаз Гуссейнович показал на стол. — Что видим?

Опера снова уставились на стопку книг, которую и так уже рассматривали минут двадцать до прихода следователя. Но личное присутствие Деда как будто стимулировало мозговой штурм.

— Здесь только три тома, а в собрании шесть, — констатировал Маковский.

— Мы должны вычислить следующую жертву? — предположила Кутейкина.

А Шпалько поразил всех сразу. Он демонстративно развалился на стуле и объявил:

— Критик Латунский!

— Да ну! — не удержался следователь. — Ты читал, что ли?!

— А хоть бы и читал... Ладно, врать не буду. Сериал смотрел. Там баба голая летала на швабре и мстила за своего непризнанного гения. Это же наш случай, так? Вместо работников ножа и топора у нас тут сплошные работники жопы и пера. Первый из прибитых — успешный писатель-конкурент, который пишет херню. Потом директор издательства, который издаёт

херню. И продажный председатель конкурса, который эту херню награждает. Кого не хватает в банде? Ну ясен пень, человека из масс-медии. Какого-нибудь книжного обозревателя, который всю эту херню впаривает народным массам.

— Взгляд конечно варварский, но... — Алмаз Гуссейнович поднял палец. — Но надо оперативней, товарищи оперативники! А то не успеете оглянуться, как вас заменят искусственным интеллектом. Слышали, наверно? У нас в Следкоме начали тестировать так называемую «систему корреляционного профилирования»...

Собравшиеся молчали, ожидая подвоха. Все знали, что Дед терпеть не может компьютеры.

— Я бы к этому терминалу и на километр не подошёл по своей воле. — Следовательно как будто прочитал мысли оперов. — Но начальство требует, чтобы мы с этой машинкой теперь консультировались по всем незакрытым делам. Так что я скормил ей данные по нашим жертвам. И она сделала практически такой же вывод, как наш Ярик. Только на два часа раньше, и с конкретными адресами.

Он развернул принесённые листы.

— Система выдала два наиболее вероятных места следующих атак. Оба мероприятия сегодня. Первое — в Доме творчества в Переделкино. Там идёт какой-то читательский фестиваль. Пишут, что нынче вечером будут выступать «популярные блогерки и каналки». Как я понимаю, это тот же критик Латунский, только в юбке.

— Не совсем, — возразила Маша. — У этих дамочек, что ведут каналы про книжки, никакой критики не бывает. Они всегда восхищаются, даже когда книжка отстойная.

— Как раз за такое можно и... — Шпалько рубанул ладонью воздух.

— Но вы, Ярослав Тарасович, этого не допустите. — Следовательно передал оперу один из листов распечатки. — Здесь программа выступлений. И Никиту Александровича возьмите с собой, для культурной поддержки.

Шпалько с сомнением взял бумагу и начал читать.

— «Панельная дискуссия: куда ведут попа...» Кто-то? Попа-данцы?! Алмаз Гуссейныч, помилуйте! Мы с Никитосом не из этих! Я вообще танцевать не умею! Давайте отправим туда Марию Владимировну, а? Вы же слышали, она шарит в теме. Мне кажется, она вполне проканала бы в качестве каналки под прикрытием.

— Изображать новых каналок нам ни к чему, — возразил следователь. — Надо предотвратить нападение на тех, кто уже участвует в этой канализации. Вы с Никитой можете изобразить благодарных подписчиков, чтобы разместиться поближе к предполагаемым жертвам. Кстати, в том Доме творчества был такой маленький бар, с правой стороны в подвале, там подавали отличный борщ. Правда, это было ещё в те годы, когда мы тамошний бордель разгоняли. Не знаю, сохранился ли тот борщ...

Он поднял к глазам второй листок:

— А Марии Владимировне предлагаю отправиться на другую точку потенциального преступления. Это Ленинский проспект, дом 37, библиотека номер 166. Хм-м... Интересная какая нумерология. Тройка, семёрка, а потом шестьдесят шесть...

— А что там будет? — Кутейкина уже заметно нервничала.

— Да вот пишут, что одна известная критикесса сегодня проводит там «сеанс гетературного спиритизма».

— Ого... — Маковский сделал круглые глаза. — И не жалко вам Машу на такое посылать? Может, туда лучше какого-нибудь батюшку со святой водой?

— Роль батюшки возьму на себя, — парировал Алмаз Гуссейнович. — Хотя у меня ещё сегодня совещание с начальством, но надеюсь, до шести отпустят. Эх, давненько я не бывал в библиотеках...

Глава шестая, в которой чертовщина происходит прямо на глазах у сотрудников правопорядка

Да уж, давненько! Переступив порог библиотеки номер 166, Алмаз Гуссейнович как будто даже оробел от знакомого вида: расходящегося в разные стороны лабиринта из книжных стеллажей. На миг ему представилось, что он — ещё школьник, и входит он в провинциальную библиотеку своего родного городка, чтобы узнать, можно ли наконец взять «Тайну двух океанов».

А строгая библиотечка сейчас ответит: нет, ещё не вернули, и по записи на эту книгу ещё два человека перед тобой. Но увидев, как он помрачнел, библиотечка смягчится и шепнёт: а вот эта девочка только что сдала «Трёх мушкетёров», и никто пока на эту книгу не записан, бери скорей...

И счастливый десятилетний Алмаз не будет в этот раз бродить по книжному лабиринту библиотеки в поисках, чего бы почитать — хотя он любит такие поиски, но на сегодня у него уже есть целый новый мир под тёмно-зелёной обложкой. Поэтому он сразу побежит домой, плюхнется на кровать, и не слушая ругань матери, будет до самой ночи читать о приключениях смелых парней со шпагами. А когда мать выключит в его комнате свет, он притаится на время под одеялом, будто и вправду заснул — а потом включит фонарик и будет читать дальше.

Конечно, московская библиотека, где он оказался сейчас, выглядела посовременнее, чем та, провинциальная. И здесь явно не хватало той особой библиотечной тишины, что запомнилась Алмазу Гуссейновичу с детства. Весь главный зал здешней библиотеки был уставлен стульями перед небольшой сценой, и все стулья были заполнены женщинами, издававшими лёгкий гул болтовни, отчего библиотека напоминала пчелиный улей. Что там говорил свидетель из «Кибердома» про женские секты? Кажется, это именно оно. Любы-книголюбы...

Во втором ряду от сцены следователь увидел Машу Кутейкину, и едва заметно кивнул ей. Он приглядел и последний свободный стул в самом заднем ряду, у открытого окна. Однако не пошёл туда сразу, а ещё немного потоптался на входе, в целях изучения обстановки.

Со стороны это, наверное, выглядело как стеснительность, потому что миловидная женщина лет сорока пяти, сидевшая у того же окна и кутавшаяся в большую цветастую шаль, начала активно жестикулировать, показывая Алмазу Гуссейновичу на свободный стул. Ему пришлось прекратить осмотр, добраться до стула и, натужно улыбаясь, поблагодарить соседку за подсказку.

В ответ соседка сразу начала болтать с ним, словно со старым приятелем. В общем-то она ему даже понравилась, хотя показалась излишне говорливой. До начала мероприятия оставалось ещё минут пять, и за это короткое время Алмаз Гуссейнович узнал, что его соседку зовут Нина Петровна, что она является сотрудницей библиотеки и не одобряет спиритизма, а точнее, той его версии, которая будет представлена сейчас.

По словам Нины Петровны, раньше это был обычный читательский клуб, участники которого собирались раз в месяц, чтобы обсудить любимые книги. Но клуб вырос и, что называется, превратился в бизнес. Теперь сюда регулярно приглашают каких-нибудь людей из книгоиздательского мира, а те, конечно же, продвигают свою продукцию. И все их «новинки» легко предсказуемы, поскольку из года в год они повторяют один и тот же набор имён; вот и этой зимой снова рассказывали про «тонкий психологизм» в очередном романе Звездоласкина, «глубокое переосмысление истории» в очередной драме Гузяхиной и «многослойный философский подтекст» в очередной притче Прилевина.

А сегодняшняя гостья клуба особенно преуспела благодаря спиритическому сценарию своих выступлений: в каждом свежеизданном авторе она видит какого-нибудь известного писателя из прошлого. Так, на предыдущем собрании публике были явлены «реинкарнация Толстого», «воплощение Платонова» и «Лермонтов нашего времени»; все трое почему-то переродились женщинами.

На этом разговор пришлось прекратить, поскольку в дальнем конце зала появилась та самая гостья, короткостриженная брюнетка в длинной синей юбке с воланами. Она подплыла к установленному на сцене круглому столику, и тотчас в зале погас верхний свет, осталась только лампа с зелёным абажуром, что стояла на столике. Да ещё несколько смартфонов светились в зале, но их понемногу отключали и прятали.

Следователь подумал, что темнота — тревожный симптом. Прошлые нападения тоже маскировались темнотой. Удивительное дело: XXI век, освещение очень доступно, но люди специально устраивают себе темноту в досуговых заведениях. Какие-то неистребимые пещерные привычки... Интересно, как там в Переделкино, тоже во тьме шаманят? Лет двадцать назад в том Доме творчества был настоящий притон...

Он потихоньку достал мобильник и послал Ярику Шпалько сообщение со знаком вопроса. Моментально прилетевший ответ был лаконичным и уклончивым, как японское трёхстишие: «Много баб. Втираемся. Борщик норм».

Между тем именитая гостья книжного клуба села за столик и поприветствовала собравшихся. А потом безо всяких переходов заявила, что проговаривание травмы является важнейшей составляющей современной гетературы.

Алмаз Гуссейнович вспомнил, что так и не погуглил это странное слово, которые было даже вынесено в название мероприятия. Он открыл на мобильнике «Яндекс» и стал набирать поисковый запрос, но тут же понял, что это не поможет — выступающая начала сыпать непонятными словами с пулемётной скоростью: «виктимизация», «харассмент», «блейминг»...

Да и многие знакомые слова, летевшие со сцены, совершенно не вязались с представлениями следователя о смысле этих слов. На фразе «уровень токсичности» он припоминал недавнее дело об утечках на подмосковном химзаводе, а выражение «прицельная оптика автора» вызывало в памяти протокол задержания маньяка со снайперской винтовкой, который отстреливал электросамокаты в районе Парка Победы. Но из дальнейшей речи литературной дамы Алмаз Гуссейнович понимал, что она говорит о чём-то другом.

Закончив с этим мудрёным вступлением, дама раскрыла принесённую с собой книгу и стала читать отрывки. Читала она хорошо, прямо как раньше читали в радиопостановках. Да и текст был написан простым русским языком, и следователя больше не мучили трудности перевода. Однако теперь он чувствовал, что его всё больше раздражает смысл того, что он слышит.

Он перевёл взгляд на книжные полки, снова вызывая в памяти библиотеку своего детства. И эта картинка сразу подсказала ему, чем вызвано раздражение.

Герои. Он ходил в ту провинциальную библиотеку за героями. Мушкетёры и искатели сокровищ, капитаны фрегатов и звездолётов, Штирлиц и Чингачгук — все они смеялись в лицо опасностям и смело боролись за своё дело. И очень хотелось стать таким же, как они.

История, которая звучала сейчас в библиотеке, была совсем иной. Это было какое-то бесконечное нытьё. Сначала героиню книги изводили одноклассники, мать и гигантские комары. Потом она страдала от неопрятных мужчин с пивными животами. После расставания с последним из этих хамов она самолично пошла выносить мусор на помойку, и тут её укусила крыса. В «скорой помощи» ей попался врач-извращенец, пожелавший её осмотреть, а на выходе из травмпункта её подловил коллектор, выбивающий долги по квартплате...

Алмаз Гуссейнович вдруг отчётливо понял, что знает продолжение. У героини украдут паспорт и какие-нибудь билеты, и ровно в тот же день ей понадобится дорогостоящая опера-

ция. Это было типичное продолжение баек, которых он наслушался в молодости, в середине девяностых, когда работал в транспортной милиции. Именно тогда по электричкам и вокзалам потянулись армии попрошайек со своим «извинити-што-к-вам-абрацаимса», и у каждой попрошайки было припасено такое же бесконечное «проговаривание травм»...

Но нет, дама в платье с воланами не дошла в своей декламации до полной онкологии. Она резко остановила чтение на эпизоде со злобным коллектором, опустила книгу на стол и положила на неё обе ладони, как будто собиралась выдавить из книги сок. И уставилась расширенными глазами куда-то во тьму. Затем шумно вдохнула, словно выныривая из омута, и прохрипела:

— Я чувствую здесь дух Марины Цветаевой!

В тот же момент Алмаз Гуссейнович почувствовал дуновение холода. Он вспомнил, что сидит у открытого окна; пожалуй, так и спину продует, надо бы прикрыть. Следовательно обернулся к окну, и тут осознал, что движение воздуха пришло не со стороны улицы, а сверху.

Он поднял голову. Вдоль потолка библиотеки летела чёрная тень. «Как большая летучая мышь», вспомнилось из показаний свидетеля.

Тень мчалась в сторону выступавшей дамы. Когда до круглого столика оставалось около пары метров, от тени отделился прямоугольный предмет, сверкнувший острыми уголками. Книга ударила спиритистку точно в нос.

Алмаз Гуссейнович вскочил. Правая рука дёрнулась под пиджак, к пистолету, но его там не было — после совещания у начальства сразу помчался в библиотеку, да и забыл...

Между тем чёрная тень, завершив прицельное книгометание, развернулась и полетела обратно. Она явно намеревалась удрать тем же путём, как явилась — через окно.

На несколько секунд пожилой следователь растерялся. Ему доводилось видеть в жизни всякое, но такого ещё не бывало.

Зато оперуполномоченный Маша Кутейкина, сидевшая во втором ряду у сцены, резво вскочила на стул и взмахнула сумочкой на длинном ремешке, пытаясь достать летящее под потолком нечто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.